

1922

№ 1—18

**ИЗВЕСТИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

VI СЕРИЯ

15 ЯНВАРЯ — 15 ДЕКАБРЯ

**BULLETIN
DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE RUSSIE**

VI SÉRIE

15 JANVIER — 15 DÉCEMBRE

ЛЕНИНГРАД — LENINGRAD

Игнац Гольдциэр.

1850 — 1921.

Некролог.

(Читан академиком В. В. Бартольд в заседании Отделения Исторических Наук и Филологии
24 мая 1922 года).

13 ноября 1921 г. скончался на 72-м году жизни в Буда-Пеште Игнац Гольдциэр (Goldziher), состоявший членом-корреспондентом Академии с 1897 г. (с четырехлетним перерывом, 1916—1920, вызванным событиями мировой войны). Имя Гольдциэра принадлежало к числу самых популярных в России имен иностранных ученых; по поводу одного из последних трудов Гольдциэра (*Vorlesungen über den Islam*, Heidelberg, 1910) в иностранной печати¹ даже было отмечено, что вследствие «огромного значения» (*das ungeheure Ansehen*), которое получила в России эта работа, были приняты без достаточной критики и более слабые ее стороны. От некоторого преувеличения, может быть, не свободны слова автора предисловия к русскому переводу другого, несколько более раннего труда Гольдциэра², что «все предшествующие работы автора всегда открывали новую эпоху в науке, безразлично, затрагивали они историю ислама (*Muhammedanische Studien*, 2 тома. Halle, 1889¹—1890) или историю арабской литературы (*Abhandlungen zur arabischen Philologie*, 2 тома. Halle, 1896—99)». Каковы бы ни были достоинства, не раз отмечавшиеся в печати, других трудов Гольдциэра, только его труды по исламоведению доставили ему славу первоклассного ученого, и только

¹ *Die Welt des Islams*, I, 145.

² И. Гольдциэр. Ислам (*Die Religion des Islams*), перев. И. Крачковского, под ред. и с предисл. А. Э. Шмидта. СПб., 1911 (подлинник вышел в 1906 г.).

³ На внутреннем заглавном листе 1888 г.

в этом смысле можно говорить об «эпохе Гольдциэра», как в русской научной литературе было предложено называть конец XIX и начало XX веков¹.

Первоначально для Гольдциэра, как для многих других ученых, научная известность которых основана, главным образом, на трудах о мусульманстве, ислам не был главным предметом научного интереса. Гольдциэр родился в 1850 г. в венгерском городе Штутьевейссенбурге в еврейской семье², повидимому, небогатой; свою докторскую диссертацию он в 1870 г. посвятил своим «великодушным благодетелям», бар. Josef v. Eötvös и проф. Вамбери.

Получил ли Гольдциэр первоначальное образование в обще-государственной или в конфессиональной еврейской школе, мне не известно; возможностью получить высшее образование он во всяком случае предполагал воспользоваться для изучения своего народа (евреев) и племени (семитов). Писать на венгерском языке он начал еще в ранней молодости³. Первоначально Гольдциэр учился в Будапештском Университете; более благоприятную почву для своих научных интересов он нашел в Берлине, где слушал, между прочим, лекции Штейнтала и Штейншнейдера; последнему он был обязан темой диссертации, которую он писал в 1869 г. в Берлине и представил в 1870 г. уже в Лейпциге⁴, где он сделался учеником Флейшера. Предмет диссертации относился к области так называемой еврейско-арабской литературы; автором была рассмотрена деятельность (с изданием нескольких фрагментов) одного из писавших по-арабски средневековых еврейских филологов, Танхума нерусалимского. За этим изданием должен был последовать ряд других. Вспоминая впоследствии, по поводу дошедших до него известий о научных планах П. К. Коковцова, об этом периоде своей собственной деятельности, Гольдциэр писал бар. Розену⁵, что навсегда сохранил интерес к этому рода литературе и

¹ ЖМНИ 1915 г., апр., отд. II, 388.

² В одном из писем к бар. Розену приводится его еврейское имя — Исаак.

³ В 1868 г. по письму на имя бар. Розена 15 мая 1877 г. В библиографии трудов Гольдциэра, составленной его учениками, помещенной в изданном в его честь сборнике *Keleti Tanulmányok* (Budapest 1910), на первом месте поставлена работа, напечатанная еще в 1866 г. (перевод двух сказок с турецкого на венгерский) в журнале *Hazánkés a Kalföld* и получившая от редакторов журнала заглавие: «Шестнадцатилетний ориенталист»; дальше идут уже работы 1869 г. По некрологу Гольдциэра, составленному Л. Массиньоном (см. ниже), Гольдциэр еще 12-ти лет издал свой первый труд «*Szihasz Jiezhok*» («Le passe-temps d'Isaac») «opuscule sur l'importance de la prière, introuvable aujourd'hui».

⁴ I. Goldziher. Studien über Tanchum Jeruschalmi. Inauguraldissertation zur Erlangung des philosophischen Doctorgrades. Lpz. 1870. Предисловие помечено 10 февр. 1870 г.

⁵ 10 апр. 1895 г.

читал все, что о ней появлялось, хотя сам мало работал в этой области, с тех пор, как еще в Лейпциге «телом и душой перешел в мусульманский лагерь».

Вопрос об этом переходе, совершившемся, по видимому, не так легко и просто, может быть затронут здесь только в общих чертах, как вообще здесь не может быть дан полный обзор полувековой научной деятельности Гольдциэра. Оставленное Гольдциэром научное наследие не только чрезвычайно обширно и разнообразно, но разбросано по большому числу периодических изданий. Возникшая еще при жизни Гольдциэра мысль¹ объединить эти статьи в одном сборнике (в роде «Kleinere Schriften» Флейшера или Гутшмида) едва ли будет осуществлена и теперь. Изданная в 1910 г. венгерскими учеными библиография трудов Гольдциэра уже включает в себе 453 №№²; с тех пор им было напечатано еще некоторое число научных работ. Значительная часть работ Гольдциэра написана на венгерском языке и потому недоступна большому числу ученых, в том числе и автору этих строк. Кроме того составителю обзора деятельности Гольдциэра было бы необходимо располагать сведениями не только о его печатных работах, но и об его университетских лекциях и публичных курсах, но возможности также о его личности³. Из современных русских востоковедов этим условиям больше всего удовлетворял бы А. Э. Шмидт, живший некоторое время в Будапеште, куда он был направлен, ради Гольдциэра, своим учителем бар. Розеном, и где он, как видно из писем Гольдциэра к бар. Розену, пользовался искренним расположением его самого и его семьи.

Возможностью пользоваться письмами Гольдциэра, переданными после смерти бар. Розена (в 1908 г.) его вдовой в Азиатский Музей Академии, конечно, значительно облегчалась моя задача. Письма (всего 134) охватывают период от 1871 до 1907 г. и дают чрезвычайно ценный мате-

¹ Она была выражена в письме бар. Розена, на которое Гольдциэр отвечал 22 окт. 1896 г.; речь шла, впрочем, только о собрании «Abhandlungen über Islam und arabische Cultur». Гольдциэр соглашался, что такой сборник мог бы быть издан, с поправками и дополнениями к прежним работам, в виде особого тома «Muh. Studien» или «Abh. zur arabischen Philologie», но все-таки находил для себя неудобным «wollte ich nach Art der „grossen Männer“ meine Sprächen sammeln und vor Untergang schützen».

² Правда сюда вошли и работы, к которым Гольдциэр только сделал примечания, вошли также, под отдельными №№, переводы трудов Гольдциэра. По Л. Массиньону всех работ Гольдциэра 566.

³ При чтении корректуры я мог пользоваться двумя статьями о Гольдциэре: С. Н. Becker в «Der Islam», XII, 214—222 и Л. Massignon в «Revue de l'histoire des religions» (отд. оттиск, 12 стр., 1922 г.).

риал для характеристики обоих ученых, между которыми установилась тесная дружба еще на студенческой скамье, в 1870 г., когда оба вместе слушали Флейшера (для Флейшера Гольдциер был, по отзыву бар. Розена¹, одним из «любимейших учеников»), и в одно и то же время сделали членами немецкого союза ориенталистов², хотя только в 1887 г. (вероятно, после свидания на состоявшемся в сентябре 1886 г. конгрессе ориенталистов в Вене³) они стали писать друг другу на *ты*. Сочувствие обоих ученых друг другу в области научных взглядов и интересов проявляется в этой переписке еще ярче, чем в их печатных трудах⁴. Так из письма от 6—7 сентября 1885 г. видно, что свои будущие «Muhammedanische Studien» Гольдциер представлял себе в то время в виде серии, которая бы издавалась им совместно с бар. Розеном; там же было предложено заглавие: *Abhandlungen über muhammedanische Cultur- und Religionsgeschichte. Herausgegeben von Baron Dr. Rosen und Dr. Goldziher. I. Heft: Die Nationalitäten im Islam und die Shu'ûbijja-Bewegung*. К следующим выпускам предполагалось привлечь Снук-Хюргронье. Помимо своих научных планов, Гольдциер откровенно писал бар. Розену и о своих личных переживаниях. Но для свободного пользования этими письмами едва ли уже настало время.

1.

Период преподавательской деятельности Флейшера был едва ли не последним периодом в истории арабской филологии, когда голос, раздававшийся с кафедры одного учебного заведения, признавался авторитетным арабистами всех стран Европы. Молодые ученые, ездившие в Лейпциг учиться у Флейшера, как прежде ездившие в Париж учиться у Сильвестра де-Саси, признавали себя и потом учениками и продолжателями своего «шейха». Французский ученик лейпцигского профессора, Гартвиг Деранбур, писал в 1895 г. о себе и своих современниках: «Nous continuons Fleischer, comme il a continué Sacy». Преемника Флейшеру в этом смысле уже не было, в чем, конечно, надо видеть прогресс науки, неразрывно связанный с прогрессом специализации. Научные интересы

¹ ЗВО, VIII, 172, прим.

² В порядке поступления их имена в списке членов «Deutsche Morgenländische Gesellschaft» стояли рядом (№№ 757 и 758).

³ О командировке бар. Розена на конгресс в Вену см. Проток. засед. Совета Имп. СПб. Унив., № 85, стр. 3; о его докладе, посвященном бывшему конгрессу — ЗВО, I, стр. XVII.

⁴ Гольдциер посвятил бар. Розену свой первый классический труд по исламоведению «Die Zähriten».

учеников Флейшера были уже настолько разнообразны, что общепризнанного главы среди них не могло быть. Строго-методическое изучение арабской грамматики, на которое направлял их учитель, было для них не столько целью, сколько средством; их последующая деятельность часто имела мало общего с написанными в молодости, под непосредственным влиянием Флейшера, филологическими, в тесном смысле слова, трудами. «Beiträge zur Geschichte der Sprachgelehrsamkeit bei den Arabern» (1871—1873) молодого Гольдциэра имели почти столь же мало отношения к его последующим работам, как магистерская диссертация бар. Розена «Древне-арабская поэзия и ее критика» (1872) к трудам, впоследствии составившим славу русского арабиста. Образ их общего «шейха», вероятно, сделался бы для них более бледным, если бы не его личное обаяние, о котором часто говорится и в письмах Гольдциэра, для которого верность традициям лейпцигской школы, помимо области научного исследования, выражалась также в готовности ее представителей всячески приходить на помощь друг другу, жертвуя для этого своим временем и не заботясь о своем научном приоритете (письмо от 16 мая 1872 г.).

Гольдциэр уже в первых своих работах, по отзыву бар. Розена¹, проявил «те качества, которые впоследствии должны были его поставить в ряды первоклассных ученых». Привлекая к исследованию огромный материал, он всегда умел оставаться в нем «полновластным хозяином»; никогда его не осиливала «собственная эрудиция, как бы она ни была громадна». Благодаря «блестящему литературному таланту, обширному и разнообразному общему образованию» ему удавалось извлекать из находившегося в его распоряжении материала и в удобочитаемой форме сообщать читателям «самое важное и существенное». Почти то же самое сказал о Гольдциэре, много лет спустя, в предисловии к сборнику, изданному к сорокалетию его деятельности, Т. Нельдеке, упоминающий о редком умении Гольдциэра «aus weitläufigen, abstrusen und ermüdenden Schriften die Quintessenz herauszusuchen und in anziehender Form darzustellen». Такой талант Гольдциэра тем более замечателен, что его главные труды написаны преимущественно на немецком языке, которым он владел не так свободно, как своим родным венгерским. Недостатки немецкого стиля Гольдциэра были отмечены самим Нельдеке в рецензии на второй том «Muhammedanische Studien»²; бар. Розен не высказывался об этом

¹ ZBO, VIII, 172.

² WZKM, V, 49.

в печати, но на лекциях, как я помню, предупреждал студентов, что книги Гольдциэра читать не легко, особенно когда и для читателя немецкий язык не родной. С этим, вероятно, связано и замечание одного из французских критиков¹ «Vorlesungen über den Islam», что единственный недостаток этой книги — c'est de manquer parfois de clarté.

При всех своих достоинствах, первые труды Гольдциэра, однако, показали, что изучение филологических и в особенности грамматических вопросов не является его настоящим призванием. Средневековые грамматические теории представляли для него интерес не в связи с изучением языка и грамматики, но как документальный памятник истории человеческой души и человеческой мысли. В своей диссертации он несколько смело заявляет, будто в арабской филологии нет никаких следов сознания, что арабский язык принадлежит к семье семитских языков, тогда как еврейские филологи понимали необходимость привлечения родственных диалектов для объяснения своего языка; из этого делается вывод, что арабские евреи опередили своих мусульманских учителей². Сам Гольдциэр уже в 1872 г.³ нашел и отметил текст Тарсуси (XII в.) о семи основных языках, среди которых нет арабского, но назван сирийский, как «язык ангелов», древнейший, по мнению арабов, язык той группы, которая в Европе была впоследствии названа «семитской» и существование которой было известно арабам гораздо раньше⁴. Кроме таких вопросов, особый интерес представляла для Гольдциэра личность самих филологов; в промежуток между первым и вторым «Beiträge» к истории арабского языкознания молодой ученый напечатал⁵ мастерски написанный этюд о жизни и литературной деятельности одного из филологов, Суюти; в статье размером менее чем в 1½ печатных листа он сумел дать характеристику писателя, плодотворность которого даже в арабской литературе, по отзыву ее историка Броккельманна, остается беспримерной⁶.

¹ RHR, LXIII, 368; рецензия подписана E. M.

² Tanchûm, 12.

³ ZDMG, XXVI, 785.

⁴ Ср. особенно BGA, VIII, 79,9 и сл. (текст Мас'уди), где арабский язык назван ближайшим после еврейского к сирийскому.

⁵ SBW, 69 (1871), 7—28.

⁶ Geschichte der Arab. Litt., II, 144. О «трезвом» Суюти Гольдциэр упоминает уже в «Танхуме» (12 и сл.), как о «славном исключении» среди арабских грамматиков, которых «sprachwissenschaftlicher Afterpatriotismus» заставлял «selbst indogermanischen Wörtern eine arabische Etymologie aufzuzwingen». Такое мнение, как и многие другие обобщения, было основано на недостаточности материала, бывшего доступным в то время. Ср. теперь, напр., слова автора Maḥāṭih al-ʿUlūm (изд. G. Van Vloten) 238 об арабской этимологии греческих слов как об جمل وسخف.

Характер деятельности Гольдциера в 70-х годах заставляет полагать, что при переходе в «новый лагерь» речь для него шла не столько о переходе от одних предметов исследования к другим, сколько о расширении поля исследования, о привлечении нового материала для ответа на те же вопросы по культурной истории евреев и семитов. Зависимость еврейской филологии от арабской была, конечно, ясна для него с самого начала; ему было известно также стремление ориенталистов XVIII в. найти в языке, литературе и быте арабов ключ к объяснению библии; им приводится¹, хотя как пример увлечения, высказанное в 1779 г. мнение Рейске, что один словарь Дикаухари полезнее для понимания Ветхого Завета, чем все произведения синагоги. Предметом едва ли не первой из его работ, посвященных мусульманской богословской литературе, был полемический трактат Ибн-Хазма против евреев². Колебания между интересом к прежним предметам своих исследований и интересом к исламу отражались и на его преподавательской деятельности, к которой он приступил в 1872 г. В первой из представленных им (еще в конце 1871 г.) программ, кроме трех лекций по арабскому языку, упоминаются 2 часа введения в таргумы, 1 час по библейской экзегетике и 1 publicum по культурной и религиозной истории семитов³. Начало чтения лекций было назначено на 25 апреля 1872 г., при чем и число, и предметы были несколько изменены; лекции по введению в таргумы и предполагавшийся publicum были заменены одной лекцией по мусульманской культуре⁴. Из этого не следует, чтобы Гольдциер окончательно исключил «семитскую» культуру из круга своего университетского преподавания; главный труд его о «семитизме», его «Mythos bei den Hebräern» (1876)⁵, как видно из предисловия⁶, первоначально был составлен на венгерском языке ради его университетских лекций.

Среди трудов Гольдциера его «Mythos» занимает по объему одно из первых мест, хотя сам автор говорит о нем как о «Schriftchen»⁷. Значение этой книги в истории науки, повидимому, не было велико⁸, хотя

¹ SBW, 72 (1872), 587.

² Proben muhammedanischer Polemik gegen den Talmud (Jeschurun, VIII, 1871, deutsche Abt., 76—104).

³ Письмо 28 дек. 1871 г.

⁴ Письмо 16 апр. 1872 г.

⁵ Полное заглавие: Der Mythos bei den Hebräern und seine geschichtliche Entwicklung. Untersuchungen zur Mythologie und Religionswissenschaft.

⁶ Mythos, IX.

⁷ Ibid. XXV.

⁸ Ссылки на нее, конечно, встречаются; так еще на римском конгрессе 1899 г. П. Хаунт опровергал мнение Гольдциера (Mythos, 224) о херувимах, как олицетворении грозных туч (ЗВО, XII, 090).

она уже в следующем году была переведена на английский язык; но для характеристики научной деятельности Гольдциэра она представляет перво-степенный интерес и наглядно показывает, насколько он еще в то время находился под влиянием своих берлинских учителей, насколько еще в то время изучение прошлого евреев и семитов было главной целью его работ, изучение литературы арабов и мусульман — одним из средств для достижения этой цели. В арабской литературе он видит богатейший источник для изучения психологии семита, его мыслей и чувств¹, и пользуется ею для освещения еврейской мифологии, следы которой он находил не только в ветхозаветном каноне, но и в раввинской традиции². Мифы рассматриваются им с точки зрения методов «сравнительной мифологии», созданных Адальбертом Куном и Максом Мюллером³ и впервые примененных к изучению семитов Штейнталем, положившим начало, по словам Гольдциэра⁴, научной мифологии в области гебраистики. Гольдциэр не сомневался в возможности научно установить черты психологии семита и с этой точки зрения рассматривал факты начальной истории ислама, иногда без достаточной критики источников; так Гольдциэр⁵ видит в халифе Омаре еще более «типичного семита», чем в Мухаммеде, основываясь, между прочим, на никогда не существовавшем, как теперь доказано, запрещении арабам заниматься в покоренных странах земледелием. Много места (по признанию самого автора⁶, с некоторым нарушением симметричности расположения материала) отводится переходу евреев от мифологических представлений к чистому единобожию, возникшему в эпоху пророков. Гольдциэр вполне признает⁷, что на эту часть его книги, помимо научных выводов, оказало влияние субъективное чувство исповедника еврейской веры; он высказывает свое «святое убеждение» (*heilige Ueberzeugung*), что очищение высшего религиозного идеала от всяких остатков мифологических представлений необходимо не только в интересах науки, но и в интересах религиозной жизни нашего времени⁸.

Неуспех книги, которой он придавал такое значение, не мог не огорчить Гольдциэра; это огорчение выразилось и в некоторых его письмах

¹ *Mythos*, 97.

² *Ibid.* 34 и сл.

³ *Ibid.* VIII.

⁴ *Ibid.* XXII.

⁵ *Mythos*, 99.

⁶ *Ibid.* 369.

⁷ *Ibid.* XX и сл.

⁸ *Ibid.* XXIII и сл.

к бар. Розену, в особенности в письме от 15 авг. 1876 г. Какова бы ни была несправедливость упоминаемых там нападок с точки зрения богословского правоверия, трудно было бы не признать справедливым отзыв, данный через 20 лет проф. Тиле¹: «Во всем, что пишет Гольдциэр, видны основательные познания и остроумие, но, несмотря на эти преимущества, его мифологические гипотезы неубедительны». Возможно, что и на взглядах самого Гольдциэра отразилось общее разочарование ученого мира в методах сравнительной мифологии. Здесь не место разбирать, как произошло это разочарование и насколько ему способствовало доведение до абсурда мифологических теорий вообще и теорий о солнечном мифе в особенности слишком усердными последователями. Гольдциэру² в 1888 г. пришлось разбирать один из таких трудов, в котором библейский Самсон сближался с египетским Гор-Ра. Среди его рецензий, всегда благожелательных и сдержанных, этот отзыв представляет редкое исключение. Критик говорит о том «ужасе», который при чтении такой книги должны испытывать ученые, если есть повод, по их прежним трудам, смешивать их с авторами таких работ³.

Для исчерпывающего ответа на вопрос, чем объясняется постепенная специализация Гольдциэра в области исламоведения и насколько эта специализация находится в связи с его разочарованием в мифологических, вероятно также в расовых теориях, было бы необходимо ознакомиться со всеми трудами Гольдциэра, в том числе с его трудами на венгерском языке. Гольдциэр и впоследствии, едва ли не до конца жизни, возвращался иногда к научным вопросам из области гебраистики; но в его последующих работах по истории ислама нет и тени желания использовать свои открытия в этой области для выяснения психологии семита. Едва ли в них встречается самое слово «семит»; история ислама рассматривается исключительно как явление культурной истории человечества, без всякой связи с расовым происхождением народов. И прежде Гольдциэр, со свойственным ему тактом, избегал выступать защитником семитов против нападок на них с «арийской» точки зрения. Даже в ранней молодости (в 1871 г.) он говорил о явно неверном

¹ O. P. Tiele. *Geschichte der Religion im Altertum*. Deutsche Ausgabe, I (1896), 444. Голландский подлинник вышел в 1893 г.

² WZKM, II, 344 сл.

³ Гольдциэр, может быть, имел в виду свое собственное мнение о солнечном характере мифа о Самсоне; в этом смысле им объяснялись слова *таргума* о Самсоне, как отце Галиафа: so kann wol sehr leicht der Mythos sagen, dass die Sonne (Shinshôn) der Vater dieses feindseligen Nachtriesen ist, sowie die Sonnengestalten gar häufig als Vater oder Mutter der Nacht vorgeführt werden (Mythos 36). По словам Беккера (DI, XII, 217) Гольдциэр впоследствии вообще не хотел ничего слышать о своем «Mythos».

утверждении де-Лягарда: «Von den Muhammedanern, welche in der Wissenschaft etwas geleistet haben, ist keiner ein Semit» только как об «einer Einschränkung bedürftige Bemerkung» и тут же приводит, как такое же преувеличение, мнение Хаммера о научном превосходстве араба над персом и турком¹. С таким же тактом, исключительно ссылкой на фактические данные, Гольдциэр в 1899 г. опровергал мнение В. Carré de Vaux о борьбе в исламе *génie sémitique* и *génie aryen*, как о борьбе «orthodoxie étroite et inflexible» и «pensée libre et large»². Не касается Гольдциэр и мнений Кремера о «Raubsucht und Habgier», как «zwei echt semitische National-Eigenschaften»³, и о существовавшем у араба «Begriff der Ehre, der allen seinen Stammesverwandten, wie allen Asiaten überhaupt gänzlich fehlte»⁴.

Труды Кремера, может быть, еще в большей степени, чем лекции лейпцигских профессоров, увлекли Гольдциэра на путь изучения мусульманской культуры. Книга Кремера «Geschichte der herrschenden Ideen des Islams» (1868), которой, по мнению бар. Розена⁵, было положено начало «истории внутреннего развития ислама», как «новой научной дисциплины», отмечена и в одной из статей молодого Гольдциэра⁶, как «bahnbrechendes Werk». В 1875 г. Гольдциэр напечатал в дополнение к статье Кремера об Абу-л-Ала Ма'арри⁷, в том же журнале, статью о том же философе⁸. В письме к бар. Розену от 9 января 1890 г. мы находим крайне характерную для самого Гольдциэра оценку работ Кремера (незадолго перед тем умершего), которую мы позволяем себе привести полностью: «In Kremer habe ich den Mann verloren, dessen Arbeiten unter allen Schriften über mein Fach mich am meisten zur Weiterforschung angeregt haben. Er hat eine frische Luft in unsere Studien gebracht und Niemand wird nach einzelnen kleinen Irrthümern beurtheilen einen Mann, der durch weite Conception den Gesichtskreis unserer Studien auffrischte. Mit seinen Büchern beginnt doch eine neue Epoche in der Behandlung des Islam und ich ziehe da auch seine älteren Werke (Mittelsyrien, Aegypten) hinein. Wie oft habe ich

¹ SBW, 67 (1871), 207.

² ZDMG, LIII, 380 сл.

³ Culturgeschichte des Orients, II, 136.

⁴ Ibid., 227.

⁵ ZBO, VIII, 171.

⁶ SBW, 78 (1874), 524.

⁷ ZDMG, XXIX, 304—312.

⁸ Ibid., 637—641. Известно, что Кремер впоследствии посвятил Абу-л-Ала особый этюд в SBW 117 (1888). Ср. бар. Розен в ZBO, IV, 150.

in meinen Arbeiten erfahren, wie gewaltig Kremer vorgearbeitet hat! Das innere Leben im Chalifate hat er aufgeschlossen; vor Dozy, dem Unsterblichen, Grossen, hatte er den Vorzug subjectiver Theilnahme an den Objecten seiner Forschung. Er hat einen unvergleichlichen Sinn für das Wichtige und Hauptsächliche, man lernt von ihm die Resignation, der selbstgefälligen Verhimmelung von Kleinigkeiten zu entsagen. Nur ein Mann, der in den grossen Interessen actuellen Staatslebens mitzuwirken berufen war, konnte als Gelehrter so weite Höhen besteigen».

Многое в этом отзыве с таким же правом могло бы быть отнесено к самому Гольдциэру, как к Кремеру; во всяком случае из него видно, насколько Гольдциэр был увлечен широкими задачами в области исламоведения, поставленными на очередь в трудах Кремера и других. Некоторое поощрение он должен был найти и в благоприятной оценке специалистами уже первых его шагов на этом поприще. Та же, посвященная одному шиитскому трактату статья, где Гольдциэр упоминает о «bahnbrechendes Werk» Кремера, дала повод редактору немецкого журнала ориенталистов, исследователю шиитства О. Loth, употребить слово «bahnbrechend» по отношению к исследованиям самого Гольдциэра¹. Рукопись трактата была добыта во время единственного² научного путешествия Гольдциэра на восток в 1873—4 гг. (в Сирию, Палестину и Египет), которое также должно было углубить его интерес к мусульманскому миру. Им уже в то время ставились на очередь, в статьях на венгерском языке, новые задачи по выяснению истории ислама; избранный в 1876 г. членом-корреспондентом венгерской академии, он посвятил свою вступительную речь африканско-испанскому исламу и тогда же писал бар. Розену³, что он собирается рассмотреть эту часть мусульманской культурной истории, в ее отношении к востоку, с такой точки зрения, с которой ее до тех пор еще не рассматривали. Из слов Гольдциэра в предисловии к его «Zähiriten» можно заключить, что ближайшие задачи науки определились для него еще яснее во время составления общего очерка об исламе, также изданного венгерской академией (Az Iszlám, 1881). К этой книге, повидимому, относятся слова о «zusammenhängende Studienreihe» в области истории мусульманства, причем автору пришлось выделить несколько вопросов, рассмотрение которых

¹ ZDMG, XXIX (1875), 681.

² Если не считать кратковременной поездки в Египет зимой 1895 — 1896 г., о которой сам Гольдциэр говорит как об «Erholungsreise» (открытка от февр. 1896). В письме от 22 окт. 1896 он замечает, что за 25 лет преподавательской деятельности им были пропущены только 2 семестра из-за путешествия на Восток.

³ Письмо от 15 авг. 1876.

было невозможно в книге, предназначенной для большой публики, и в то же время необходимо для основательного познания ислама. На Гольдциэра, таким образом, могли бы быть распространены слова бар. Розена¹ о Кресте и А. Мюллере, как составителях общих очерков, преждевременных по состоянию науки, но полезных уже тем, что благодаря им для самих авторов выяснились важнейшие пробелы науки и определились темы специальных монографий.

2.

Результаты исследования о захиритах еще до выхода книги в свет были доложены шестому (лейденскому, 1883) съезду ориенталистов; с тех пор Гольдциэр постоянно выступал на этих съездах с докладами по исламоведению, до последнего из состоявшихся до сих пор общеевропейских съездов, афинского (шестнадцатого, 1912), где им был сделан доклад о самом выдающемся представителе мусульманского богословия эпохи после Газали, Фахр-ад-дине Рази².

Такое же деятельное участие Гольдциэр принимал в конгрессах по истории религий, начиная от первого, парижского (1900) до четвертого — лейденского (1912). Этим выступлениям и связанным с ними лекциям и публичным курсам (так в 1904 г. им был прочитан курс по исламу в Америке, в 1913 г. курс по истории толкования Корана в Упсале) Гольдциэр, на ряду со своими книгами, был обязан своей мировой известностью.

Оценка первых классических трудов Гольдциэра в этой области, упрочивших за ним славу первоклассного ученого, этюдов о захиритах³ и алмохадах⁴ и двух томов «Muhammedanische Studien», объединена бар. Розеном⁵ в уже упомянутой сводной рецензии, едва ли не лучшей из всего, что было написано о Гольдциэре. К сказанному там о главных выводах Гольдциэра можно теперь прибавить несколько слов об отношении этих выводов к предшествующим и последующим стадиям в развитии науки.

Точное установление хронологической последовательности взглядов

¹ ЗВО, IV, 129 и VII, 332.

² Напечатан в DI, III, 213 — 247.

³ Die Zahiriten, ihr Lehrsystem und ihre Geschichte. Beitrag zur Geschichte der muhammedanischen Theologie. Lpz. 1884.

⁴ Materialien zur Kenntniss der Almohadenbewegung in Nordafrika (ZDMG, XLI, 1887). Этот труд был представлен венскому конгрессу. Дополнением к нему было вышедшее в 1903 г. в Алжире издание «Le livre de Mohammed ibn Toumert mahdi des Almohades. Texte arabe accompagné de notices biographiques et d'une introduction par I. Goldziher». Ср. обстоятельную рецензию de Goeje в ZDMG, LVIII, 468—484.

⁵ ЗВО, VIII, 170—194.

Гольдциэра несколько затрудняется тем, что многое из сказанного на страницах его классических немецких трудов было выражено им раньше в статьях «Revue de l'histoire des religions» и в особенности в статьях на венгерском языке. Сюда относится вступительная статья первого тома «Muhammedanische Studien» — «Muruwwa und Din», где подверглись переработке некоторые страницы из «Az Iszlám». Главный этюд этого тома посвящен мусульманским националистам — му'убитам; о том же движении Гольдциэр много лет раньше написал работу на венгерском языке (также изданную венгерской академией), на которую ссылался еще в 1873 г.¹

В статье «Muruwwa und Din» и в целом ряде других работ Гольдциэр в противоположность обычному мнению, разделявшемуся и Кремером², что в исламе нашел себе яркое выражение арабский национальный характер, отмечает полную противоположность между мировоззрением домусульманского араба и мировоззрением, созданным религией Мухаммеда. Гольдциэр и впоследствии часто возвращался, даже на страницах специально-этнографических изданий³, к вопросу об арабском язычестве и его пережитках в мусульманскую эпоху, вопросу, относящемуся более к области этнографии, чем к области истории, но больше всего его интересовал чисто-исторический вопрос о столкновении языческого мировоззрения с мусульманским и о психологии деятелей переходной эпохи. Сюда принадлежит его обширная работа⁴ о поэте Хутей'е (Джарваль ибн-Аус, I в. хиджры).

Гольдциэр уже в одной из первых своих работ⁵ употребил слово «арабы» для обозначения всех ученых последователей ислама, для которых арабский язык был языком взаимных сношений по вопросам науки и литературы. Теперь предметом его исследования сделалась культурная эволюция этого «арабского» мира, при чем почти не ставился вопрос о племенных и национальных задатках; даже национализм рассматривался как обще-мусульманское культурное течение, которому одинаково подчинялись люди разных национальностей. Нельдеке⁶ видит одну из главных заслуг Гольд-

¹ SBW, 73 (1873), 530. См. также слова бар. Розена в Mém. Asiat. VIII (1880), 750.

² Culturgesch., II, 248: «der durch und durch dem arabischen Volksgeiste angepasste und demselben in seinem wesentlichen Inhalte hervorgegangene Islam». Правда, этому несколько противоречат слова Кремера (ibid., 355) о гибели, после распространения ислама, старой поэзии: «die Lebensart, die Denkungsweise waren anders geworden».

³ Ueber Geberden und Zeichensprache bei den Arabern (Zeitschr. f. Völkerpsych., XVI, 1886, 369 — 386); Ueber Tageswählerei bei den Muhammedanern (Globus, LX, 1891, 257 — 259).

⁴ В ZDMG, 46 (1892) и 47 (1893). Ср. И. Ю. Крачковский в ЗВО, XVIII, 75.

⁵ SBW, 67 (1871), 207.

⁶ В предисловии к сборнику в честь Гольдциэра.

циэра в выяснении взаимодействия трех великих передне-азиатских религий; сам Гольдциэр придавал не меньше значения своим выводам в области сближения ислама с национальной религией Ирана, парсизмом¹. Продуктом того же культурного взаимодействия была обширная литература «хадисов», которой посвящена большая часть второго тома «Muhammedanische Studien». Выяснение происхождения и истинного характера «хадисов» более всего отличает направление Гольдциэра и его школы от трудов Дози и Кремера. Выводы Гольдциэра казались настолько смелыми, что не сразу были приняты. Пельдеке, по его собственным словам (не столько в рецензии на «Muhammedanische Studien», сколько в отзыве о более позднем труде Гольдциэра «Abhandlungen zur arabischen Philologie»² и в предисловии к сборнику в честь Гольдциэра), сначала находил скептицизм Гольдциэра по вопросу о подлинности хадисов преувеличенным и только впоследствии подчинился силе его доводов.

Более всех других теорий Гольдциэра и его школы теория о происхождении хадисов оказала влияние на ученых следующего поколения, во многом идущих иными путями и отводящих более значительное место экономическим и политическим условиям. Во вступительной статье к журналу «Der Islam», составленной редактором журнала, одним из главных представителей новой школы, проф. Беккером, выясненная Гольдциэром «погоня за хадисами» (طلب الحديث) названа бесконечно важным фактором в деле установления духовного единства мусульманского мира, с оговоркой, что действие этого фактора проявилось только после того, как сделали свое дело экономические и политические силы³.

Едва ли нужно останавливаться на том, что именно в этой, наиболее популярной из всех теорий Гольдциэра его научный приоритет скорее всего мог бы быть оспариваем. Вопрос находится в связи с другим, который едва ли было бы своевременно рассматривать теперь, хотя впоследствии он, вероятно, будет представлять интерес для истории науки: в каком отношении находятся труды Гольдциэра к трудам Спук-Хюргронье, вступившего на научное поприще приблизительно в одно и то же время с появлением первых классических трудов Гольдциэра в области

¹ В письме от 9 III 1902 г. он, по поводу своей статьи в RHR 43 (1901), 1—29, говорит о влиянии парсизма на ислам как об ein bisher unbeachtetes Problem; в самой статье отмечаются некоторые прежние попытки в этом направлении — замечания Дармстеттера и Блонэ. В печати Гольдциэр впоследствии ссылался на ту же свою статью по Actes du I Congrès d'Histoire des Religions, I partie, 119 — 147.

² WZKM, X, 339.

³ Der Islam, I, 18.

исламоведения. Обоими учеными рассматривались одни и те же научные вопросы в одном и том же направлении, иногда в одно и то же время; из них вопрос о происхождении хадисов был не только поставлен, но подробно рассмотрен Снук-Хюргронье, хотя и с меньшим числом ссылок на первоисточники¹, значительно раньше выхода в свет второго тома «*Muslim-medanische Studien*». Самим Гольдциэром² отмечается статья Снук-Хюргронье о происхождении хадисов, напечатанная уже в 1884 г. Вообще, если успех трудов Гольдциэра несколько отразился на оценке заслуг Снук-Хюргронье, то в этом менее всего повинен Гольдциэр, с самого начала отдававший полную справедливость трудам Снук-Хюргронье³ и часто ссылавшийся на них даже по тем вопросам, которые были рассмотрены и им самим, притом независимо от трудов голландского ученого⁴. Личными свойствами обоих ученых и их тесной взаимной дружбой к счастью исключалась всякая возможность споров о приоритете.

Вообще эволюция науки исламоведения за последние десятилетия, в которой Гольдциэру принадлежит такое видное место, представляет редкую в истории науки картину смены направлений без резкой полемики между современниками и без резких нападок на умерших, если исключить некоторые резкости против Шпренгера, Дози, Кремера и А. Мюллера в трудах Вельхаузена.

Помимо личных свойств ученых, это, может быть, находится в связи со скудостью данных, которыми располагали даже авторы лучших исследований по сравнению с общим количеством материала, подлежащего привлечению. При таком состоянии науки ученые не могли не сознавать, что и их труды, как и труды их предшественников, могут иметь только временное значение. Если бар. Розен в одном месте⁵ говорит, что «истории внутреннего развития ислама», как «новой научной дисциплины», было «положено основание» выпшедшей в 1868 г. книгой Кремера, то тот же ученый, может быть, был ближе к истине, когда в 1889 г.⁶ называл даже преемни-

¹ О большом материале, собранном Гольдциэром сравнительно с Снук-Хюргронье, говорится и в рецензии Нельдекке, WZKM, V, 43.

² RHR, XLIII (1901), 1, ссылка на статью Снук-Хюргронье в Literaturblatt für Orient. Philologie, I (1884), 417.

³ Ему посвящен первый том «*Muh. Studien*».

⁴ Ср. Orient. Religionen (Die Kultur der Gegenwart. Teil I, Abt. III, 1), стр. 105 (Ислам, перев. И. Крачковского, 19) слова о выяснении характера иджма, как об «одной из великих заслуг Снук-Хюргронье в исламологии». О том же вопросе Zahiriten, 32 и сл. с замечанием (34, пр. 2), что эта работа была составлена еще до появления работы Снук-Хюргронье.

⁵ ZBO, VIII, 171.

⁶ Ibid., IV, 419.

ков Кремера, именно Гольдциэра и Снук-Хюргронье, «самыми выдающимися представителями *возникающей* (курс. наш) новой науки об исламе». Другими словами, трудом Кремера было положено начало не науке, а процессу возникновения науки, и до сих пор, по нашему мнению, еще далеко не законченному.

Гольдциэру было дано работать для науки еще тридцать лет после появления его главных трудов. Не отказываясь от работы в других областях, когда-то занимавших первое место в его научных интересах, он с особенной любовью продолжал заниматься вопросами исламоведения, все более расширяя круг своих исследований и привлекая к рассмотрению все новые стороны идейной жизни представителей мусульманской культуры. Дать оценку всех этих работ не было бы никакой возможности; успехи науки исламоведения по сравнению с работами пионеров в этой области, может быть, нагляднее всего выразились в том, что писал Гольдциэр в 1912 г.¹ о рационалистах ислама, му'тазилитах, односторонне идеализованных Кремером. Помимо области религии и тесно связанной с нею области мусульманского права, Гольдциэр интересовался и судьбами, в истории мусульманской культуры, философской мысли. Им был составлен в 1913 г. для издания «Kultur der Gegenwart» очерк средневековой философии мусульман и евреев². Из его переписки с бар. Розеном³ видно, что он после своего избрания в члены-корреспонденты Академии Наук считал своим долгом поместить в академических изданиях какое-нибудь научное исследование и к 1906 г. приготовил для этой цели арабский текст (еврейскими буквами) еврейского неоплатонического сочинения XI или XII вв. (по единственной известной рукописи, парижской), с примечаниями и экскурсами на немецком языке. Мне неизвестно, почему это намерение не осуществилось и почему предлагавшееся русской Академии издание появилось в 1907 г. в геттингенских Abhandlungen⁴. Предметом последнего по времени из известных мне трудов⁵ Гольдциэра был другой рукописный текст, именно рукопись Бри-

¹ Der Islam, III, 213 и сл.

² Есть и в русском переводе, изд. товарищества «Обществ. Польза».

³ Письма от 2/IV 1899, 7 XII 1904, 1 II 1906.

⁴ Цитируется самим Гольдциэром в Kultur der Gegenwart, Teil I, Abt. 5, 331 и 337.

⁵ В том же 1916 г. вышла еще известная мне только по ссылке Макса фан Бершона (H. Diez, Churasanische Baudenkmäler, 106) статья в Abhandlungen берлинской Академии «Stellung der antiken Wissenschaften». Последняя, чисто-филологическая статья Гольдциэра была напечатана уже после его смерти в DI, XII, 198—201, с отметкой, что автору уже не пришлось читать корректуру. В т. XI (1921) помещена заметка Гольдциэра о бизме (252—254).

танского Музея, содержащая один из ранних трактатов «оживителя ислама», Газали. Книга вышла в Лейдене в 1916 г.¹, уже во время войны, тем не менее экземпляры, по распоряжению автора, были доставлены некоторым русским ученым, в том числе мне.

И. Ю. Крачковскому я обязан сообщением, что в 1915 г. Гольдциэром была напечатана² «обстоятельная рецензия на издание, опубликованное русским ученым уже во время войны»³. В 1915 г. появились в шведском переводе (перевод принадлежит одному из шведских учеников Гольдциэра, Tor Andrae) читаемые Гольдциэром в 1913 г. в Упсале лекции по истории толкования Корана⁴. Немецкий подлинник появился только в 1920 г. в значительно дополненном виде, вследствие чего это издание по размерам почти вдвое превосходило шведское. По словам И. Ю. Крачковского⁵, этой работе «несомненно суждено занять такое же место в научном наследии Гольдциэра, как «Muhammedanische Studien», «Abhandlungen zur arabischen Philologie», «Vorlesungen über den Islam».

Как ни расширялась область исследований Гольдциэра, все же исключительным предметом этих исследований оставался до конца мир идей; эволюция идей рассматривалась исключительно как самостоятельное явление, без всякой связи с явлениями хозяйственной и политической жизни. Таким же образом мы находим среди трудов Гольдциэра много попыток характеристики литературного деятеля по его сочинениям, но едва ли хотя бы одну биографично в настоящем смысле слова. Этим отчасти объясняется, что Гольдциэр иногда давал ввести себя в заблуждение своим источникам, когда эти известия не могли быть опровергнуты другими памятниками идейной литературы, но только фактами жизни. Так Гольдциэр⁶ был убежден в равнодушии омейядских халифов к вопросам вероисповедания, тогда как

¹ Streitschrift des Gazali gegen die Batinijja-Sekte (Veröff. der de Goeje-Stiftung, № 3).

² ZDGM, LXIX, 192 — 207. С самой рецензией я ознакомился уже после составления настоящего некролога, во время командировки за границу.

³ Ta'uk-al-hamama, publ. par D. K. Pétrouf, St.-P.-Leide 1914 (трактат Ибн-Хазма о любви).

⁴ Ср. Мусульм. Мир (1917), 53.

⁵ Ссылающегося при этом на Der Islam. XII (1921), 114 — 122 (рецензия, подписанная H. Ritter, где приводится заглавие книги Гольдциэра: Die Richtungen der islamischen Koranauslegung. An der Universität Upsala gehaltene Hans-Petri Vorlesungen. Veröffentlichungen der de Goeje-Stiftung Nr. VI. Brill, Leiden 1920). В конячках здесь и ниже приводятся слова записки, любезно составленной для меня И. Ю. Крачковским. Самой рецензией я мог пользоваться только при чтении корректуры.

⁶ Напр. RHR XLIII (1901), 9 об indifférentisme confessionnel des Omayyades.

в действительности ни при одном из аббасидских халифов не было такого ожесточенного преследования еретиков, как преследование кадаритов при халифе Хиннаме и даже при нечестивом, по своему личному образу жизни, Валиде II¹.

С этой односторонностью взглядов Гольдциэра, вероятно, было связано искание другими учеными, преимущественно в XX в., новых путей. Во-первых, получалось впечатление, может быть не совсем верное, что в мусульманском мире «люди пера», несмотря на свое взаимное соперничество и взаимные нападки, находились под господством одних и тех же установившихся схем, не дававших простора личности, и что людей с ярко выраженными личными стремлениями и страстями можно было найти только среди «людей меча»². Это могло способствовать переходу от изучения культурной истории ислама к изучению политической. Кроме того в печати была отмечена (в 1913 г.) односторонность построений Гольдциэра о начале ислама, так как исследователь искал объяснения исторического процесса исключительно в сфере самого процесса и даже при этом оставлял без внимания некоторые существенные элементы, как элемент внушения³. Несомненно, что, исключительно выдвигая факты идейной жизни, Гольдциэр из трудов Кремера более примыкал к «Geschichte der herrschenden Ideen des Islams», чем к «Culturgeschichte des Orients». Несомненно тоже, что в некоторых отношениях новое направление, направление Вельхаузена, Беккера, Каэтани и Ламменса представляет шаг вперед по сравнению с направлением Гольдциэра; но вместе с тем чрезмерная решительность и догматичность исследователей политической истории, особенно немецких, заставляет иногда с сожалением вспоминать о научной объективности, философском спокойствии и терпимости людей идейного мирозерцания. Одностороннее изучение идейной эволюции вне связи с окружающей бытовой средой все же лучше, чем мнимонаучные выводы, в основу которых положены такие неопределенные понятия, как в области жизни природы — процесс изменения климата, в области человеческой жизни — факты расовой психологии. При таком освещении материала переход с почвы идей на почву фактов не всегда способствовал, как следовало бы ожидать, ясности представления о том, что

¹ Об этом потом Wellhausen, Das Arabische Reich (1902), 217 и 222. Из источников особенно Табари, II, 1733 и 1777. О призывании «султана», т. е. светской власти против еретиков при омеядах Таб. III, 2492, 17.

² Беккер в Der Islam, II, 405.

³ М. Hartmann в Die Welt des Islams, I, 145.

происходило в действительности. Не говорим уже о таком безвредном для конечных итогов науки, но временно вносящем в понятия некоторую смуту, явлении, как стремление некоторых правительств и под их влиянием некоторых ученых приспособить выводы науки к задачам текущей политики. Гольдциэру, насколько мне известно, не приходилось касаться этой литературы, вызванной мировой войной, в возможность которой он до самого ее наступления отказывался верить; его книга о Газали, вышедшая в 1916 г., не включает в себе и намека на военные события и связанные с ними теоретические споры, тогда как Снук-Хюргронье, в свое время осмелевший стремление англичан добиться от мусульманских авторитетов признания, что Индия есть دار الاسلام, теперь с такой же проницательностью писал о «священной войне made in Germany»¹. Только в упомянутой выше книге, вышедшей в 1920 г., которую он в предисловии, по словам И. Ю. Крачковского, назвал своей «лебединой песней», Гольдциэр «обрисовал те тяжелые условия, в которых ему приходилось работать после войны и революции»². Венгерской Академией Наук, где Гольдциэр «уже много лет был председателем историко-филологической секции», тогда же было организовано празднование исполнившегося семидесятилетия Гольдциэра; это празднество, конечно, «не рассеяло его грустного настроения» и в письме к Снук-Хюргронье он говорил о нем как о «Vorbereitung des Begräbniss»³.

В своих взглядах на будущее мусульманского мира Гольдциэр оставался тем же несколько односторонним теоретиком, каким он был в своих исследованиях о прошлом; ему казалось, что мусульманский мир будет в состоянии подняться на более высокую ступень религиозной жизни только в том случае, если его идейные представители от тенденциозной апологии и анти-исторического рационализма перейдут к рассмотрению документальных источников своей религии в исторической перспективе⁴. Едва ли можно было бы привести хотя бы один пример религиозной реформы, которая была бы вызвана исключительно объективными исследованиями ученых историков.

¹ Ср. статью А. Э. Шмидта в «Мусульм. Мире», 1917, 55 — 61.

² В статье L. Massignon кроме того упоминается письмо Гольдциэра в журнале «Magyar Figyelő», 1916, IV, 250—254: «Der Krieg und die Solidarität der Gelehrten».

³ По статье L. Massignon, Гольдциэр отказался от председательства в академической секции под влиянием гонения на евреев, поднятого правительством Хорти. Венгерское правительство постаралось загладить этот инцидент торжественным празднованием семидесятилетия Гольдциэра в 1920 г. и устройством торжественных похорон в 1921 г.

⁴ Ислам, перев. И. Крачковского, 45 (в подлиннике стр. 132).

Таковым представляется мне научный облик Гольдциэра, насколько он может быть установлен по его печатным трудам. На страницах научных изданий, вероятно, уже появились попытки дать характеристику Гольдциэра, как преподавателя и лектора¹. При его жизни об этом в печать проникало мало сведений; из участников сборника по случаю сорокалетия его научной деятельности с университетским преподаванием Гольдциэра связывает свою статью только один, A. S. Yahuda², повидимому, талантливый ученый, обладающий сведениями в арабской диалектологии, в еврейской и мусульманской религиозной литературе³. В сборнике уже не участвовал другой, более ранний ученик Гольдциэра, д-р Martin Schreiner, составитель указателей к двум томам «Muhammedanische Studien», впоследствии преподаватель (Docent) при берлинской Lehranstalt für Wissenschaft des Judentums, напечатавший в 90-х годах ряд превосходных статей по истории мусульманских религиозных движений, но впоследствии, повидимому, более не выступавший на научном поприще; когда и по каким причинам прекратилась его деятельность, мне не удалось установить⁴. По мере роста научной известности Гольдциэра в Будапешт специально для него стали приезжать молодые исследователи мусульманской культуры; в письмах Гольдциэра названы несколько имен таких ученых; Гольдциэр занимался с ними особо, совершенно независимо от своих университетских лекций, остававшихся, по его словам, и в то время⁵ на крайне элементарном уровне. Вследствие этой же научной известности к Гольдциэру обратились в 1894 г., на Женевском конгрессе, с предложением принять на себя, вследствие смерти Робертсон-Смиса, дело организации издания мусульманской энциклопедии⁶. Гольдциэр принял поручение и впоследствии, повидимому, оказал некоторое влияние на перенесение всего дела в Лейден и возложение обязанностей главного редактора на проф. Хаутсма (последний в предисловии к изданному в 1899 г. «Spécimen» энциклопедии упоминает

¹ В статьях Беккера и Массиньона об этом не говорится.

² Festschrift für I. Goldziher, 345.

³ Ср. отзыв о другой его работе, вышедшей в том же 1912 г., в Die Welt des Islams, I, 244 (Horten).

⁴ В списке членов DMG его имя было внесено в 1887 г. (№ 1105), когда он был равным в Szurgó, и в последний раз названо в 1903 г. (т. LVII); в списке за 1904 г. (т. LVIII) его уже нет, хотя в Personalnachrichten оно не названо ни среди имен умерших, ни среди имен вышедших из состава общества. Последние работы его, отмеченные в Orientalische Bibliographie, относятся к 1900 г.

⁵ Письмо 22 окт. 1896 г.

⁶ Письмо 5 ноября 1894 г.

о том, что поручение было принято им («à la demande de M. Goldziher»); но вообще Гольдциэр, несмотря на свой несомненный такт и на свои дружеские связи с большим числом ученых, фактически не принимал большого участия в организации ни этого, ни других международных предприятий, отчасти, вероятно, по недостатку времени¹.

В противоположность большинству крупных ученых, Гольдциэру не была суждена ни университетская, ни другая научная карьера, которая доставила бы ему материальное обеспечение. В Университете он не получал содержания ни в качестве приват-доцента, ни даже после своего утверждения, только в 1894 г., ординарным профессором; избрание в Академию столь же мало доставило ему средств к существованию; поэтому им в начале 1876 г. была принята административная должность секретари будапештской еврейской общины, отнимавшая у него от шести до семи часов в день², должность, к которой он считал себя совершенно неспособным и которой страшно тиготился³. Несмотря на свой венгерский патриотизм, Гольдциэр с самого начала мечтал о более обеспеченной карьере немецкого профессора; о том же, новидимому, мечтали для Гольдциэра его друзья. Нельдеке в конце своей рецензии на второй том «Muhammedanische Studien» выражает недоумение, почему не воспользовались представившимся случаем призвать Гольдциэра на освободившуюся незадолго перед тем кафедру⁴. Этим желанием не было суждено сбыться. Первоклассный ученый считал себя неудачником на жизненном поприще; об этом говорится во многих из его писем, которые, вероятно, дадут ценный материал будущему составителю его полной биографии. Со своей стороны ограничусь установлением факта, что при всей горечи настроения, которым проникнуты эти письма, в них столь же мало, как в печатных трудах Гольдциэра, можно было бы найти признаки пессимистических взглядов на жизнь и людей.

¹ На парижском съезде ориенталистов (1897) Гольдциэр красноречиво защищал идею издания «Энциклопедии» против ее противников, находивших преждевременным издание такого свода данных по такой мало исследованной области, как область мусульманской культуры. Гольдциэр доказывал, что и современное поколение нуждается в таком справочном пособии, которое, конечно, будет иметь только временное значение и впоследствии будет замещено другими, более совершенными (устное сообщение С. Ф. Ольденбурга).

² Письмо от 18 янв. 1876.

³ Об этом говорится в большом числе писем, особенно в письме от 20 авг. 1879. По словам Massignon, Гольдциэр 30 лет (1874—1904) был секретарем «de la communauté israélite réformiste de Peste».

⁴ WZKM, V, 49.

Надо надеяться, что будущее поколение получит возможность оценить не только научные заслуги, но и подвиг жизни великого ученого¹, оставившего, повидимому, и в жизни тем же идеалистом, каким он был в своих научных исследованиях.

¹ По словам L. Massignon, монографию о Гольдцере готовит Heller в Будапеште. Интересно также сообщение Massignon, что Гольдцер мечтал о примирении арабов с евреями в Палестине и на юбилейном празднестве 1920 г. сказал своему ученику, арабу христианину из Мосула: «Для твоего и своего народа я жил, если ты вернешься на свою родину, расскажи об этом своим братьям».